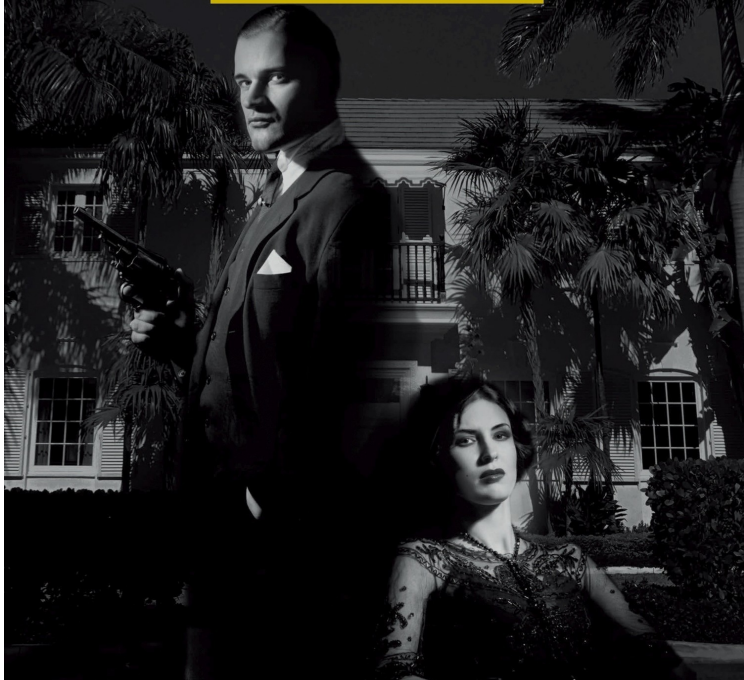

Джеймс Хэдли
Чейз

ОПАСНЫЙ
ПАЦИЕНТ

Джеймс Хедли Чейз
Опасный пациент
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46566594

*Карточный домик:
ISBN 978-5-389-17433-7*

Аннотация

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз.

«Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм».

В романе «Опасный пациент» (1968) действие происходит в вымышленном курортном городке с говорящим названием Парадиз – райские пейзажи которого служат декорацией для многих его детективных историй.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джеймс Хэдли Чейз

Опасный пациент

© И. Ю. Куберский, перевод, 2019

© Е. А. Королева, перевод, 2019

© А. Е. Герасимов, перевод, 1991

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Пролог

– Не двигайся, – выдохнула она, лаская его спину. – Стоп... не двигайся.

Он замер, прижавшись к ней. Опыт прошлых свиданий подсказывал ему: исполняй ее желания. Сейчас она начнет извиваться, как угорь, и в порыве страсти они вознесутся над землей, слившись воедино.

На полу возле кровати лежала сброшенная в спешке одежда.

Внезапно женщина прогнулась, дыхание ее участилось. В этот самый момент дверь спальни бесшумно отворили. Любовники не заметили появления в доме третьего.

Высокий человек застыл, наблюдая за ними. Когда из горла женщины вырвался крик – тот крик, который за все время их неудачного брака ему довелось слышать лишь однажды, – он закрыл дверь и вернулся в неприбранную гостиную.

Комната с валявшимися повсюду вещами, пыль на сервировочном столике и экране телевизора, переполненные пепельницы, бумаги, книги, непрочитанная корреспонденция – все стало как бы четырехмерным. Он почувствовал, что не в силах вернуть четкие очертания окружающим его предметам. Их контуры стали расплывчатыми, искаженными.

Снова услышав ее крик, он прижал холодные ладони к вис-

кам. Затем из-за двери спальни донесся стон, который мог вырваться из глотки животного.

Тонкая нить, на которой держался его рассудок, лопнула. В течение последних месяцев она была натянута до предела. Раньше или позже она обязательно бы порвалась. Мужчине, находившемуся в спальне, не повезло, что это произошло именно сейчас.

Высокому человеку вдруг стало лучше. Предметы обрели резкость. Не обращая внимания на звуки, доносившиеся из спальни, он тихо вышел из гостиной и направился на кухню, оснащенную самыми современными приспособлениями и устройствами, которые она заставила его купить из соображений престижа, но никогда не использовала. Он вытащил из ящика стола тесак, подаренный ему на Рождество женой. Солнечный луч, прошедший сквозь окно кухни, блеснул на лезвии четырехдюймовой ширины. Деревянная ручка, прошитая медными заклепками, легла на его ладонь.

Он вернулся в гостиную. За окном виднелись деревянные домики лаборатории, где он самозабвенно трудился последние три года. Минут двадцать он стоял, время от времени пробуя пальцем острое как бритва лезвие. Наконец раздался голос его жены:

– Я хочу пить. Послушай, дорогой...пусти меня. Умираю от жажды!

С ножом в руке он медленно подошел к двери спальни. Услышал шорох возни. Единственный человек, которому он

доверял, произнес:

– Хочешь пить, крошка? Придется обождать.

– Дай мне пить!

Она умела отдавать приказы мужчинам.

– У нас полно времени. Он вернется не раньше завтрашнего дня.

– Хорошо. Я и сам не прочь промочить глотку, но ты останешься на месте... поняла?

Она засмеялась:

– Не бойся, не убегу.

Ложке, которое высокий мужчина давно не делил с женой, скрипнуло. Он услышал, как ноги зашлепали по паркету. Дверь распахнулась.

Мужчины застыли друг перед другом. Хозяин дома вонзил нож в тело гостя и двинул рукоять вверх, потом вниз.

Человек, которому он верил, начал падать лицом вперед. Убийца отскочил назад. Эти секунды спасли жизнь женщине, лежавшей на постели. Она всегда отличалась быстротой. Вскочив с кровати, она метнулась к двери гостиной и успела запереть ее на замок. Но она понимала, что жизни ее по-прежнему грозит смертельная опасность. Сорвав трубку с аппарата, она закричала, обращаясь к изумленной телефонистке:

– Спасите! Убивают!

Дверь спальни затряслась под ударами человека, потерявшего рассудок. Бросившись в ванную, женщина заперлась

там. Она стала кричать в окно, слишком узкое, чтобы через него можно было выбраться наружу.

Глава первая

Герман Радниц пересек холл отеля «Бристоль Кемпински» и отдал портье ключ от номера.

– Добрый вечер, сэр. – Портье приветствовал постояльца почтительным полупоклоном, какого удостоивались лишь самые важные гости отеля – лучшего отеля в Западном Берлине. – Машина уже ожидает.

Радниц кивнул. Это был массивный, крепко сбитый человек с толстым крючковатым носом. Считавшийся одним из богатейших людей мира, Радниц, опутавший своими финансовыми щупальцами весь земной шар, диктовал свою волю послам, цюрихским гномам, воротилам нью-йоркской и лондонской бирж. Словно смертоносный паук, притаившийся в центре сплетенной им паутины, ради приумножения своего состояния Радниц мог проглотить любую зазевавшуюся жертву.

Радниц был одет в черную каракулеву шляпу и черное пальто с опушкой из меха дикой норки. На булавке, вколотой в его черный шелковый галстук, сверкал великолепный бриллиант – любой шейх был бы рад заполучить такой камень в свою коллекцию. От его облика веяло могуществом, богатством и привычкой к роскоши. Но холодный взгляд стальных, полускрытых тяжелыми веками глаз выдавал жестокий нрав.

Радниц направился к стеклянной двери отеля, услужливо открытой для него швейцаром задолго до того, как постойлец приблизился. Швейцар приподнял фуражку и почтительно поклонился важному гостю, но Радниц равнодушно прошел мимо. Он спустился по ступеням в объѣзья промозглого вечера, где возле черно-серебристого «роллс-ройса» его ожидал личный шофер и слуга японец Ко-Ю.

– У меня встреча у Бранденбургских ворот в шесть. Сорок минут потребуется, чтобы пересечь границу, – сказал Радниц. – Время рассчитывай сам.

Ко-Ю дождался, пока Радниц усядется, затем захлопнул дверь и проскользнул на водительское сиденье. Машина тронулась.

Радниц неспешно выбрал сигару в кедровом ящичке, встроенном в роскошный бар возле сиденья. «Роллс-ройс» был произведен по индивидуальному проекту, предусмотревшему все, что только мог пожелать будущий владелец: коктейль-бар, коротковолновый приемник, телевизор «Сони», телефон, компактный холодильник и электрический подогреватель блюд. Радниц раскурил сигару, затем, включив свет, достал из портфеля бумаги и погрузился в чтение.

Десять минут спустя машина замедлила ход: они подъехали к границе с Восточным Берлином. Проплывавшие мимо щиты пестрели надписями на английском, немецком и русском:

ВЫ ПОКИДАЕТЕ АМЕРИКАНСКИЙ СЕКТОР

БЕРЛИНА

Пограничник, приветливо ослабившись при виде «роллса», разрешил им проехать. Двигаясь с черепашьей скоростью, автомобиль приблизился к могучему красно-белому стальному шлагбауму, установленному поперек дороги на бетонных опорах. Шлагбаум преграждал путь в Восточный Берлин. «Роллс-ройс» остановился. Пограничник в меховой шапке и с кобурой на поясе заглянул в окно машины. Открыв окно, Радниц протянул ему паспорт. На его пухлом лице невозможно было прочесть ни одной эмоции: Радницу не нужны были неприятности. Встреча, назначенная по ту сторону барьера, была слишком важна, чтобы ставить ее под угрозу срыва, расстраивая чувствительного пограничника. Пограничник вернул паспорт Радницу, шлагбаум поднялся, и «роллс-ройс» въехал на нейтральную полосу. Впереди был лабиринт из бетонных блоков, хитроумно расположенных так, чтобы машина не могла разогнаться настолько, чтобы проломить шлагбаум. Справа тянулся ряд одноэтажных деревянных построек, возле которых уже было припарковано несколько машин. Ко-Ю, проинструктированный портье отеля, подрулил к первому барраку, заглушил мотор, вышел из машины и открыл пассажирскую дверь. Вместе с Радницей они зашли внутрь. Сотрудник пропускного пункта проверил их паспорта и выдал бланки с анкетой: имя, национальность, место рождения, сумма ввозимых денег. У Ко-Ю денег не было, Радниц имел при себе тысячу марок. Они

перешли к другому столу и отдали заполненные формы. Их паспорта снова были придирчиво изучены. Обоих попросили предъявить содержимое кошельков. С нервным смешком Ко-Ю сообщил, что у него нет кошелька; Радниц, по-прежнему сохраняя абсолютно непроницаемое выражение лица, вынул свой – роскошный бумажник из тюленьей кожи с золотыми уголками. Выдав четыре маленьких красных талона, таможенник направил их в следующее здание. Здесь Радниц обменял несколько западноберлинских марок на валюту Восточного Берлина – принудительный обмен, обеспечивавший коммунистам незначительный, но стабильный приток твердой валюты.

Покинув таможеню, они обнаружили возле машины пограничника. Радница предупреждали, что обыскивать будут тщательно. Так и случилось: пока Радниц ждал в стороне, Ко-Ю с пограничником сняли сиденья. После этого пограничник, вооружившись ярким фонариком, не спеша осмотрел капот и обшарил багажник. Наконец он прикатил метровой ширины зеркало на колесах, которое загнал под «роллсройс», и, посветив фонариком, придирчиво исследовал днище машины. Убедившись, что все чисто, пограничник разрешил им проехать.

Радниц сел в машину, и Ко-Ю повез его сквозь бетонный лабиринт, в конце которого их ожидал еще один шлагбаум. Здесь их паспорта снова были внимательно изучены, после чего Радниц вручил выданные ему раньше красные талоны.

Шлагбаум пополз вверх, и «роллс-ройс» въехал в Восточный Берлин.

– Вдумчивые ребята, – с легким смешком сказал Ко-Ю.

Но Радниц был не в настроении шутить: взглянув на часы, он обнаружил, что до назначенного времени осталось всего три минуты.

Не было нужды подсказывать Ко-Ю дорогу: в какой бы стране они ни находились, Ко-Ю всегда знал, куда ехать. Он был лучшим и самым сметливым из всех шоферов, что когда-либо возили Радница. А еще он был лучшим поваром, лучшим лакеем и слугой. Оплачивались его услуги соответственно.

Автомобиль промчался по Фридрихштрассе, свернул налево к Унтер-ден-Линден, и буквально несколько секунд спустя перед ними возникли Бранденбургские ворота – величественно громоздившиеся на ярко освещенной пустынной площади.

– Остановись здесь, – скомандовал Радниц и нажал кнопку возле сиденья. Стекло, разделявшее пассажира и водителя, поползло вверх.

Как только машина Радница подъехала к условленному месту, из тени вышел коренастый человек. Даже несмотря на полумрак, в котором он прятался от посторонних глаз, легко было заметить, что вид он имел довольно жалкий: мешковатые брюки, шляпа, давно потерявшая форму, плохо сидящее черное пальто. Узнав его, Радниц открыл дверь, и че-

ловек, которого звали Игорем Дузенским, подошел к машине и опустился на сиденье рядом с Радницем. Радниц взял микрофон, приказал Ко-Ю трогаться:

– Быстро... просто поезжай вперед. – А затем выключил микрофон.

– Ну что же, друг мой, – обратился он к Дузенскому, – надеюсь, сегодня мы достигнем окончательной договоренности. Мое предложение, разумеется, заинтересует и другие страны, не только вашу. Достаточно времени потрачено впустую.

Дузенский сложил смуглые руки на коленях. Оказавшись в теплом салоне автомобиля после долгого ожидания на холоде, он немного разомлел. Исходивший от Радница аромат дорогих сигар, перемешанный с запахом лосьона после бритья, заставил гостя особенно остро ощутить собственную мучительную бедность. Если этот капиталист, которого они подозревают в намерении обвести их вокруг пальца, надеется запугать его, пусть будет готов к разочарованию.

– Нас не могут подслушивать? – спросил он по-немецки.

– Нет.

– Ваш водитель – надежный человек?

– Да. – Отрывистые ответы Радница ясно давали понять, что его совершенно не занимают эти шпионские игры.

После паузы Дузенский произнес:

– Я поговорил с коллегами. Они не очень-то верят, что вам под силу повернуть то, что вы нам предлагаете.

– Понимаю вас. Я также сомневался в успехе, но к счастью, теперь мои сомнения разрешились. Короче говоря, я уверен, что смогу предоставить вашему правительству формулу ZCX.

– Это как раз сомнений не вызывает, – неприветливо буркнул Дузенский. – Формулу мы смогли бы заполучить и сами, без вашей помощи, но толку нам от нее было бы не больше, чем американскому правительству. Нам обоим известно, что формула закодирована и что код не поддается взлому. Два года американцы потратили на попытки взломать этот код и теперь вот окончательно признали поражение.

– Я могу взломать для вас код, – тихо произнес Радниц. – Для человека с деньгами и мозгами нет ничего невозможного, у меня же есть и то и другое. За достойное вознаграждение я предоставлю вам взломанную формулу. Если вас не устроит результат моей работы, я не получу денег. – Радниц помолчал, разглядывая тлеющий кончик сигары. – Все совершенно прозрачно и ясно. Но вот что мне пока неясно, так это какова ваша ставка?

Радниц поглядел в окно. Они проезжали по аллее Карла Маркса с ее освещенными витринами магазинов – хоть и самому «фешенебельному» торговому району в Восточном Берлине, но все равно довольно непримечательному.

– Вы это серьезно? – спросил Дузенский, и в его голосе слышалось неподдельное удивление. – То есть вы всерьез на-

деетесь взломать код, который оказался не по зубам американским экспертам?

– Если бы я не был в этом уверен, то не стал бы тратить свое время, – ответил Радниц скучающим тоном. – Думаю, мне доставляет удовольствие преодолевать все эти смехотворные формальности при пересечении границы только ради того, чтобы встретиться с вами и полюбоваться вот этим? – Радниц махнул рукой в направлении унылых витрин и пустынной улицы за окном. – Повторяю мой вопрос: какова ваша ставка?

Дузенский набрал в легкие воздуха.

– Я уполномочен передать вам, что мы готовы заплатить двести пятьдесят тысяч долларов наличными, – сказал он и, помедлив секунду, прибавил возбужденным голосом: – Целое состояние!

Радниц вновь опустил взгляд на тлеющий кончик сигары. Он предполагал что-то подобное. Ему требовалось немало усилий, чтобы сохранять спокойствие и не поддаться раздражению, которое поминутно готово было захлестнуть его из-за необходимости вести переговоры с таким жалким типом.

– Вы это серьезно? – Радниц насмешливо повторил вопрос, только что заданный ему Дузенским.

Дузенский посмотрел в направлении лица Радница, скрытого темнотой в салоне «роллс-ройса».

– Конечно, но сначала мы должны будем убедиться, что это та самая формула.

– Формула ценна лишь в том случае, если ею владеет только одна страна. – Голос Радница по-прежнему звучал приглушенно. – Я готов предоставить декодированную формулу вам на два дня для ознакомления, после чего, если вы не заплатите мне денег, я передам копию другой стране. Это ясно?

– Но как мы можем быть уверены, что вы не будете пытаться торговать копиями после того, как мы оплатим оригинал? – спросил Дузенский, упиваясь собственным хитроумием.

– Потому что моя репутация вам хорошо известна, – парировал Радниц. – Если я заключаю сделку, я выполняю ее условия.

Об этом Дузенскому говорили. Он кивнул:

– Так мы договорились?

– Договорились? С чего вы взяли? Как я понял, вы хотите предложить мне четверть миллиона долларов. Так я понял ваши слова. Никому не возбраняется предлагать то, что он считает нужным, но предлагать глупости – глупо, – сказал Радниц с нескрываемой нотой раздражения в голосе. – Теперь, друг мой, позвольте кое-что сказать вам. Один из моих агентов намекнул – о, только легкий намек, не более – правительству Китая, что формула ZCX, разумеется декодированная, скоро будет выставлена на продажу. – Радниц замолчал, глядя полускрытыми тяжелыми веками глазами в лицо Дузенского, то погружающееся в сумрак, то ярко освещен-

ное светом уличных фонарей, а затем продолжил: – Правительство Китая знает истинную цену этой формулы. Они тут же предложили мне три миллиона долларов. Вы слышали меня? Три миллиона долларов.

Дузенский вытянулся в струнку.

– Три миллиона долларов? – хрипло повторил он. – Да это полный абсурд!

– Вы считаете? – Холодное презрение, которое Радниц испытывал к собеседнику, теперь явственно сквозило и в его голосе, и в манере держаться. – А правительство Китая считает иначе. – Радниц затянулся сигарой. – Ну что ж, будем считать переговоры оконченными. – Включив микрофон, Радниц сказал Ко-Ю: – В русское посольство.

Дузенский вытащил из кармана несвежий платок и вытер потные ладони.

– Наше правительство никогда не заплатит такой суммы, – сказал он хрипло.

– Нет? Вы так бедны? – Радниц стряхнул длинный столбик пепла в серебряную пепельницу у его локтя. – Как это печально. Впрочем, я не уверен, что мне стоит принимать всерьез подобное заявление младшего должностного лица, – кажется, так вы себя назвали во время нашего знакомства? Поскольку китайцы симпатичны мне куда менее русских, я готов заключить с вами сделку – всего за три с половиной миллиона долларов наличными. Декодированная формула будет у вас через три месяца. Ясное дело, я не получу деньги, если

не предоставлю вам формулу со взломанным кодом.

– Я не располагаю полномочиями... – неуверенно начал Дузенский, но Радниц перебил его:

– Я это знаю. Сейчас мы направляемся в ваше посольство. Я даю вам время, чтобы все устроить. Я вернусь в отель «Бристоль». Если вы решите принять мои условия, пошлите мне телеграмму.

– Мне придется просить вас остаться здесь на ночь, – сказал Дузенский, пытаясь реанимировать свой пострадавший авторитет. – Тогда мы сможем встретиться там, прийти к вам в «Бристоль» я не могу.

– Не имею ни малейшего желания останавливаться в каком-либо из здешних жалких отелей, – сказал Радниц, когда машина затормозила возле русского посольства. – Пришлите мне телеграмму.

Радниц распахнул дверь машины.

Дузенский пристально посмотрел на него. Тень от шляпы, падавшая на лицо, скрывала ненависть в его глазах. Затем он вышел из машины и захлопнул дверь.

Радниц опустил стекло, отделявшее его от шофера:

– На границу, мигом!

Через пять минут они подъехали к КПП «Чарли», но Дузенский уже успел позвонить и предупредить о приближении «роллс-ройса». Два пограничника в меховых шапках ожидали их. Шлагбаум был поднят, и «роллс-ройс» въехал на нейтральную полосу. На паспортном контроле не торо-

пились. Радниц ждал вместе с американцами, направляв­шимися с Запада на Восток на премьеру в Комической опере. Американцы прошли контроль; Радниц все еще ждал. На­конец спустя еще двадцать минут ожидания чиновник поста­вил штамп на его бумаги и вернул ему паспорт. С насмеш­ливой улыбкой чиновник отпустил Радница.

Радниц, глаза которого сверкали яростью, вернулся к «роллс-ройсу». Рядом с машиной топтались два тамо­женника в меховых шапках. Они принялись обыскивать «роллс». Радниц ходил туда-сюда, пытаясь согреться.

Подошел Ко-Ю с бесстрастным выражением маленького желтого лица:

– Извините, сэр. Они спрашивают про обогреватель.

Радниц подошел к машине.

– В чем дело? – спросил он по-немецки.

Один из таможенников указал лучом фонарика на боль­шой обогревательный прибор под приборной доской авто­мобиля:

– Что это?

– Обогреватель.

– Надо осмотреть. Снять можете?

– Снять? – Глаза Радница побелели от гнева. – Что вы име­ете в виду? Это автомобильный обогреватель. Что там мож­но спрятать?

– Снимите, – без всякого выражения повторил таможен­ник. – Мы должны осмотреть.

Радниц повернулся к Ко-Ю:

– Сможешь снять?

– Да, сэр, но это займет время.

– Снимай.

Радниц сел на заднее сиденье машины. С трудом сдерживая гнев, он раскурил сигару. Здесь, на нейтральной полосе, эти тупые животные в меховых шапках имеют больше власти, чем он. Радниц включил свет и погрузился в изучение бумаг.

Пограничники стояли рядом с Ко-Ю, который возился с обогревателем. Двадцать минут спустя, когда ему удалось отвинтить крышку, из-под шлагбаума выехала машина, из которой выскочил запыхавшийся Дузенский. Он быстро подошел к «роллс-ройсу» и, махнув пограничникам, тяжело опустился на сиденье рядом с Радницем.

Пограничники тут же разрешили Ко-Ю прикрутить крышку на место и удалились.

– Мне очень жаль, – сказал Дузенский. Исходивший от него запах пота заставил Радница глубже затянуться сигарой. – Это слишком важное дело, чтобы я мог вас просто отпустить. Пришлось задержать вашу машину. Мы согласны. Мы заплатим три с половиной миллиона долларов за декодированную формулу на тех условиях, что вы предлагаете.

Следующие пару минут Радниц, словно не услышав сказанного, продолжал изучать бумаги и делать пометки. Затем отложил их и поднял на Дузенского сверкавшие яростью

стальные глаза.

– Вы заставили меня ждать на холоде час. Мое время стоит денег. Я не позволю коммунистам обращаться со мной таким образом. Теперь моя цена – четыре миллиона долларов. Звоните немедленно! Объясните, что цена выросла потому, что один безмозглый член вашей партии осмелился заставить меня ждать. Слышал? Четыре миллиона!

Напуганный яростным блеском глаз Радница, Дuzенский попятился из машины. Он скрылся в одном из деревянных бараков. Радниц как ни в чем не бывало вернулся к бумагам. Ко-Ю тем временем собрал обогреватель. Через пятнадцать минут вернулся Дuzенский. Он склонился над окном машины. Его лицо имело багровый оттенок и было покрыто капельками пота.

– Да... Ваше предложение принято, – сказал он упавшим голосом. – Четыре миллиона долларов.

Радниц нажал кнопку, и электрический стеклоподъемник захлопнул стекло прямо перед носом Дuzенского. Затем приказал Ко-Ю ехать в «Бристоль».

Как только «роллс-ройс», теперь уже без всяких задержек, подъехал ко второму шлагбауму, тот немедленно распахнулся, пропуская машину, которая тут же рванула вперед, в Западный Берлин.

Оказавшись в отеле, Радниц незамедлительно отправился в телеграфное бюро. Там он взял бланк и написал аккуратным мелким почерком:

Джонатану Линдси

Отель «Георг Пятый», Париж, 8

Организуите встречу К. с Чарли в 13:00 час. Отель на 16-й.

Радниц вручил телеграмму девушке-оператору вместе с десятью марками, затем пересек лобби и направился к лифту.

И только когда автоматические двери закрылись и лифт плавно взмыл, унося его на третий этаж, Радниц позволил своему пухлому лицу расплыться в триумфальной улыбке. После стольких дней обдумывания и планирования награда, похоже, наконец-то была близка.

Алан Крейг осторожно открыл дверь своей квартиры, выглянул в коридор, прислушался и шагнул назад.

– Выходи, Джерри, – сказал он. – Быстро!

Стройный светловолосый юноша в облегающих джинсах и черной ветровке выскользнул из прихожей, усмехнулся, посмотрев на Крейга, и пошел по коридору.

Крейг захлопнул входную дверь, вернулся в гостиную. «Да, я совершил глупость», – сказал себе Алан. Он пожал плечами. Что ж, и такое случается. Завтра в это время он будет лететь самолетом «Пан-Америкен» в Нью-Йорк. Париж останется в прошлом. Два месяца, проведенные в столице Франции, были чересчур насыщенными. Алан стоял в центре комнаты и, потирая пальцами челюсть, думал о Джерри

Смите, которого он подцепил в аптеке. Последнюю неделю они часто встречались. Джерри оказался изобретательным, нежным партнером; Алан признался себе, что юноша волновал его. Но эта ночь прошла странно. Ухмылка не сходила с губ Джерри. Алан часто ловил на себе его взгляд. Не презрение ли выражали близко посаженные глаза паренька?

Он больше не увидит его. Теперь Алан не хотел встречаться с ним. Нахмурившись, Крейг прошел в спальню. Пора собираться. Он посмотрел на золотую «Омегу». Начало двенадцатого. Он снял со шкафа чемодан и положил его на кровать.

Крейгу исполнилось тридцать три года. Этот высокий темноволосый человек с красивым чувственным лицом и идеальными манерами был личным помощником Мервина Уоррена, который последние пять лет возглавлял Программу ракетостроения. Покинув Англию, Крейг обосновался в Штатах и быстро сделал там карьеру. Он прибыл в Вашингтон в должности младшего научного сотрудника, прикрепленного к Программе ракетостроения по соглашению о сотрудничестве в области науки. Мервин Уоррен, искавший молодых талантливых ученых, обратил на него внимание. Уоррен решил, что ему Крейг нужен больше, чем английскому правительству. Алан принял сделанное предложение, о котором Уоррен ни разу не пожалел. Уоррен скоро убедился в том, что о более толковом и способном помощнике ему не приходилось и мечтать.

Уоррен два месяца провел в Париже, общаясь с французскими учеными. Последняя встреча состоялась вчера. Завтра они с Крейгом вернутся в Вашингтон.

Крейг открыл чемодан, но тут зазвонил телефон. Он пошел в гостиную и поднял трубку:

– Да?

– Это вы, Алан?

Узнав вкрадчивый голос с заметным американским акцентом, Крейг насторожился.

– Здравствуйте, Джон. Я уже собираю вещи. Как дела?

– Прекрасно... прекрасно. Послушайте, Алан, вы не могли бы зайти ко мне в отель? Скажем, часа через два? У меня есть для вас важная информация.

– Конечно. Значит, в час?

– Встречаю вас в час.

В трубке послышались гудки.

Крейг был озадачен. Важная информация. Не собирается ли Джонатан Линдси сделать ему предложение? Крейг был честолюбив. Должность личного помощника Уоррена надоела ему. Линдси, высокий седой мужчина лет шестидесяти с красноватым загаром на лице и немигающим взглядом светло-голубых глаз, – Алан познакомился с ним на приеме в английском посольстве – сразу понравился Крейгу. Линдси сказал, что он занимается добычей нефти. Крейг безошибочно узнавал запах больших денег и власти. Он интуитивно почувствовал, что Линдси – важная персона. Алана всегда при-

тягивали подобные личности. Они встретились второй раз. Линдси обычно обедал в «Серебряной башне», и Крейг охотно принял приглашение Линдси – ресторан был роскошный. Скоро они уже обращались друг к другу по имени. И вот... этот звонок.

Он собрал чемодан, надел серый костюм и начищенные до блеска черные туфли. Разглядывая свое отражение в зеркале, Алан нашел, что он очень бледен, к тому же под глазами у него появились темные круги. На лице застыла гримаса недовольства. «Все этот Джерри, – подумал Алан. – В Париже я малость переусердствовал... слишком много соблазнов». Алан радовался скорому возвращению в Вашингтон. Он похлопал себя по щекам, и они слегка порозовели. Алан прошел в гостиную. Не выпить ли? Настроение было скверным. Рюмка водки улучшит его. Он смешал водку с лаймовым соком и присел, держа напиток в руках и думая о Линдси.

Вдруг Линдси предложит ему работу? Значит, Техас. Захочет ли он похоронить себя в Техасе? Все зависит от суммы. Линдси не поскупится. Алан знал, что Линдси о нем высокого мнения. Крейг как-то заметил Линдси беседующим с Мервином, и позже Джонатан признался, что они говорили о нем. Линдси задумчиво посмотрел на него, изучая Алана своими светло-голубыми глазами.

– Уоррен признался мне, что лучшего помощника, чем вы, у него не было, – произнес он наконец. – Уоррен не бро-

сается такими словами без оснований.

Польщенный, Крейг усмехнулся и небрежно махнул рукой.

– Вроде справляюсь, – сказал он. – Да только работа эта не для меня. Я ищу нечто такое, где можно реализовать себя.

Это прозвучало намеком... семя было брошено. Сейчас, похоже, оно собиралось дать всходы.

Ровно в час Крейг вышел из такси возле отеля «Георг Пятый». Расплатившись с водителем, он направился к вестибюлю. Не найдя там Линдси, Алан обратился к портье:

– Вы не видели мистера Линдси?

– Мистер Крейг? – Портье посмотрел на Алана, склонив голову вбок.

– Да.

– Мистер Линдси ждет вас. Месье, поднимитесь, пожалуйста, на четвертый этаж, номер четыреста пятьдесят семь.

Удивленный, Крейг прошел к лифту. Оказавшись на четвертом этаже, он прошел по коридору к двери с номером 457 и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл изящно сложенный слуга-японец в белом пиджаке и черных шелковых брюках. Кивнув Крейгу, он сделал шаг в сторону.

Крейг, на которого слуга произвел сильное впечатление, прошел в небольшой холл и снял с себя пальто из верблюжьей шерсти; японец бережно повесил его на вешалку.

– Сюда, месье, – произнес слуга и открыл дверь, наклоном

головы приглашая Крейга в просторную, со вкусом обставленную гостиную.

На камине стояли восхитительные фигурки из зеленого и желтого нефрита, над ними висел Пикассо 1959 года. На журнальном столике лежали золотые сигаретница и зажигалка, пепельница из оникса и коробка с сигарами. На другой стене Крейг увидел Матисса. В горке размещалась коллекция фарфора, и Крейг, в свободное время посещавший музей, тотчас оценил ее по достоинству. Он шагнул к застекленному шкафчику, но тут открылась дверь, и в комнате появился Герман Радниц.

Крейг в недоумении посмотрел на незнакомца. Алану стало не по себе, когда Радниц изучающе уставился на него своими стального цвета глазами с тяжелыми, набрякшими веками.

– Вы Алан Крейг? – жестким гортанным голосом спросил Радниц.

– Да.

– Посмотрите на эту мерзость, – сказал Радниц, протягивая толстый конверт Алану.

Крейг взял конверт в руки, не отрывая взгляда от Радница.

– Ничего не понимаю, – с трудом выдавил из себя Алан. – У меня свидание с мистером Линдси.

– Смотрите! – приказал Радниц. – У меня нет лишнего времени.

Он приблизился к журнальному столику, выбрал сигару, аккуратно обрезал ее кончик и закурил. Подойдя к окну, Радниц стал смотреть на проезжающий транспорт.

Крейг раскрыл конверт и извлек из него шесть глянцевых фотографий. Взглянув на первую из них, Крейг почувствовал, что сердце его екнуло, а потом забилось учащенно; на лице Алана выступили капельки ледяного пота. Просмотрев все снимки, он положил их обратно в конверт и опустил его на столик. «Это конец», – подумал Крейг. Сейчас он покинет гостиницу, вернется в свою квартиру и убьет себя. Алан еще не решил, каким образом он сделает это, но решение было принято.

Радниц повернулся и взглянул на Крейга.

– На обратной стороне конверта – список лиц, которым будут отосланы эти фотографии, – сообщил он. – Читайте.

Крейг застыл на месте, не смея смотреть на Радница; лицо Алана стало пепельным, внутри что-то сжалось.

– Читайте! – повторил Радниц.

Крейг медленно взял конверт в руки. На обороте мелким шрифтом был отпечатан список людей, любивших и уважавших Алана. Мать... сестра... бабушка... Хэрри Мэтью, партнер по теннису, с которым они выиграли первенство Итона... отец Брайан Селби, совершавший первое причастие... Джон Бресси, оксфордский наставник, предрекавший Алану блестящую карьеру... и, конечно, Мервин Уоррен.

– Мне нужна фотография формулы ZCX, – заявил Рад-

ниц. – Сделать ее вам не составит труда. Я облегчил вашу задачу.

Он пересек гостиную и извлек из ящика стола миниатюрный фотоаппарат в мягком кожаном футляре.

– Эта камера снимает автоматически. Положите формулу на ровную поверхность и, подняв аппарат над ней, нажмите кнопку десять раз. Камеру с пленкой доставьте в вашингтонский отель «Хилтон» мистеру Линдси. Посмотрев снимки, он передаст вам негативы этой мерзости и все копии. Понятно? В случае вашего отказа они будут отправлены перечисленным лицам.

– Как вам удалось... сделать эти фотографии? – шепотом спросил Крейг.

Радниц пожал плечами:

– Ваш приятель Джерри Смит – один из моих агентов. Забирайте камеру и уходите.

– Формула бесполезна, – в отчаянии произнес Крейг. – Это знают все. Вы принуждаете меня...

– Вы появитесь в «Хилтоне» ровно через неделю... двадцать шестого, – сказал Радниц. – Если не сфотографируете формулу...

Не закончив фразу, он покинул комнату.

Когда несколько минут спустя в комнату вошел Ко-Ю, Крейг по-прежнему стоял, уставившись в пространство и сжимая в руке фотоаппарат. Увидев слугу, он выхватил у него пальто, быстро взял конверт и стремительно покинул

отель.

Джонатан Линдси уже десять лет возглавлял оперативную службу Радница. Его годовой оклад составлял сто тысяч долларов, и он стоил этих денег. В свои шестьдесят лет Линдси удавалось сохранять прекрасную физическую форму. Этот рослый, стройный человек с изобретательным, расчетливым умом не употреблял алкоголь и табак. Обходительный, вежливый, с прекрасными манерами, он был частым гостем в посольствах и поддерживал дружбу с несколькими коронованными особами. Как человек светский, он был необходим Радницу, предпочитавшему оставаться в тени. Задумав ответственную операцию, Радниц отдавал ему указания, и Линдси выполнял их с неизменным блеском.

Линдси питал слабость к роскошным отелям, жизнь его проходила в переездах из одной гостиницы в другую, порой он трижды за неделю пересекал Атлантику, заключая договоры, оформляя контракты в различных городах; он всегда останавливался в лучших гостиницах, где его знали как человека щедрого и обслуживали по первому классу.

Двадцать шестого октября после полудня Линдси сидел в холле вашингтонского «Хилтона»; расслабившись в кресле, опустив красивые холеные руки на колени, он наблюдал за мужчинами и женщинами, входящими в гостиницу и покидающими ее. Линдси пытался угадать, каким способом они зарабатывают на жизнь. Его всегда интересовали люди – как

богатые, так и бедные.

В три часа он увидел Алана Крейга, неуверенно оглядывающегося по сторонам. Линдси медленно поднялся и пересек холл; его лицо осветила приветливая улыбка. Линдси отметил, что Крейг выглядит ужасно. Видно, совсем сна лишился, подумал он. Что ж, если ведешь такую жизнь, расплата неминуема.

– Здравствуйте, Алан, – мягко произнес он, не протягивая руки. – Вы, как всегда, пунктуальны. Поднимемся наверх.

Крейг посмотрел на Линдси. Алан заметно осунулся. Он молча последовал за Линдси к лифту, поднялся с ним на третий этаж, затем по коридору дошел до джонатановского люкса.

– Надеюсь, вы справились с заданием, – сказал Линдси, прикрыв за собой дверь.

Без слов Крейг вытащил из кармана фотокамеру в кожаном футляре и передал ее Линдси.

– Садитесь. Я не задержу вас надолго. Хотите выпить?

Крейг, покачивая головой, опустился в кресло.

– Извините меня. Одну минуту, – сказал Линдси и покинул комнату.

Он скрылся в ванной. Там уже стояли бачки с реактивами. Линдси проявил и зафиксировал пленку; включив свет, он принялся изучать ее с помощью сильной лупы.

«Эти японские камеры – просто чудо», – подумал он, рассматривая поразительно четкое изображение. Довольный,

Линдси повесил пленку для просушки и вернулся в гостиную.

Крейг ждал его с побелевшим, измученным лицом.

– Прекрасная работа, – сказал Линдси.

Отперев ящик стола, он извлек из него толстый конверт и вручил его Крейгу.

– Сделка завершена, я полагаю.

Крейг заглянул в конверт. Он увидел там негативы и отпечатки.

– Где гарантия, что вы не оставили себе копии? – произнес он, в отчаянии всматриваясь в спокойное лицо Линдси.

– Мой милый мальчик, вы меня плохо знаете, – тихо сказал Линдси. – Честность превыше всего. Я не обманываю партнеров.

Помолчав, Крейг вымученно кивнул:

– Да... извините. – Потом он добавил: – Формула бесполезна. Если бы я думал, что она поддается расшифровке, я не передал бы ее вам. От нее нет прока. Вы слышите?

– Я понимаю, – сказал Линдси. – Не переживайте. Она понадобилась моему шефу. Зачем – это меня не касается. Теперь она у нас. Вы тоже получили то, что хотели. Дело закончено. Благодарю вас.

Крейг посмотрел на него, потом схватил конверт и выскок из комнаты.

Линдси направился к телефону.

– Мистер Силк у себя? – спросил он оператора.

– Да, сэр. Одну минуту, сэр.

Спустя несколько мгновений Линдси услышал в трубке мужской голос.

– Силк слушает.

– Он спускается, – произнес Линдси.

– Понял.

Постояв пару минут возле гостиницы, Крейг сел в такси и назвал водителю свой адрес. Взмолнованный, он не заметил, как двое хорошо одетых мужчин сели в «форд-буревестник» и поехали следом за такси.

За рулем «буревестника» сидел Чет Киган – двадцатилетний длинноволосый красавчик-блондин с маленьким ртом и близко посаженными глазами на пухлом розовом лице. У его сорокалетнего напарника физиономия была бесцветной, продолговатой, с выступающими скулами, резко очерченным носом, стеклянным глазом и белесым шрамом на левой щеке. Его звали Лу Силк. Эти двое были профессиональными убийцами. За деньги они, пренебрегая опасностью, могли ликвидировать любого человека, лишь бы ставка была высока. Как бездушные роботы, они подчинялись приказам Линдси, не рассуждая, не задавая лишних вопросов, зная по опыту долгого сотрудничества, что Линдси заплатит за работу больше, чем кто-либо другой.

Не заметивший преследователей Крейг, сидя в такси, рассматривал фотографии, извлеченные из конверта. Он передернулся. Даже если бы у него хватило мужества покончить с

собой, все равно снимки принесли бы горе и ужас тем людям, которые могли их получить. Теперь фотографии у него. Он поверил Линдси. Я не обманываю партнеров, сказал Джонатан. Никогда впредь, поклялся себе Крейг, он не свяжется с незнакомцем. У него много надежных друзей. Это был миг чистого безумия, но как же дорого он заплатил за него!

Сфотографировать формулу оказалось делом простым и неопасным. Мервин Уоррен полностью доверял Крейгу, давал ему ключи от сейфа с материалами особой важности. Крейг успел сделать десяток фотографий и положить документ с формулой в сейф за несколько минут. Но теперь Крейга мучили угрызения совести. Он успокаивал себя тем, что формула не поддается расшифровке. И все же тот человек шантажировал его, чтобы получить ее. Неужели кто-то способен расшифровать ее? Крейг почувствовал на лице холодный пот. Он знал, что формула имеет стратегическое значение. В течение двух последних лет все американские криптографы безрезультатно ломали над ней голову. Крейг знал: стоит расшифровать эту формулу, и гигантский скачок в ракетной технике обеспечен.

Он вытер лицо платком. «Все это ерунда, – сказал себе Алан. – Формулу не расшифровать никому... это совершенно ясно!»

Машина остановилась у подъезда, Крейг расплатился с водителем. Алан не заметил ни черный «форд», затормозивший неподалеку, ни двух хорошо одетых мужчин, вышедших

из него.

Он поднялся на лифте на пятый этаж, отпер входную дверь, вошел в квартиру, захлопнул за собой дверь. Алан снял пальто, затем через комнату, служившую гостиной и столовой одновременно, прошел на кухню, где он нашел жестяную коробку из-под пирожных. Он хотел как можно быстрее сжечь фотографии и негативы. Алан понес коробку в гостиную, думая при этом, что надо соблюдать осторожность... жечь фотографии по одной штуке. Нельзя сильно дымить.

Опустив коробку на стол, он услышал звонок в прихожей.

Он оцепенел, глаза его забегали. Поколебавшись, Алан бросился с жестяной коробкой на кухню и оставил ее там. Вернувшись в гостиную, он сунул толстый конверт с фотографиями под подушку кресла.

Раздался второй звонок. Алан неохотно подошел к двери и открыл ее.

Лу Силк приставил дуло маузера с привинченным конусообразным глушителем к груди Алана и втолкнул его в холл.

– Ни звука, – тихо приказал Силк. – Это пушка стреляет бесшумно. Грудь разнесет в клочья.

Крейг разглядел бесцветное лицо со шрамом и стеклянным глазом, который больше походил на человеческий, чем второй, живой. Алана вдруг охватил ужас; страх парализовал его. Он едва заметил второго человека, зашедшего следом и прикрывшего за собой входную дверь.

– Что вам надо? – выдавил из себя Алан.

Силк, подталкивая Крейга револьвером, впихнул его в гостиную.

– Не спеши, – сказал Силк. – И чтоб без фокусов.

Киган взял стул от обеденного стола и поставил его в центре комнаты.

– Садись, – сказал Силк.

Крейг опустился на стул. У него начался тик. Он безуспешно пытался совладать со своими мышцами.

– Где фотографии? – спросил Силк.

Крейг испуганно посмотрел на него:

– Вы не имеете права... Линдси сказал...

Он замолк, заметив, что в единственном зрячем глазу Силка сверкнула едва сдерживаемая ярость. Алан в отчаянии указал на кресло. Киган поднял подушку, нашел конверт, заглянул в него и кивнул Силку.

Лу отступил на несколько шагов назад. Он посмотрел на Кигана; лицо Силка ничего не выражало. Киган мгновенно выхватил из кармана нейлоновый шнурок; подойдя к Крейгу сзади, набросил петлю ему на шею. Затем Киган внезапно упал на спину, как дзюдоист, выполняющий бросок, и шнурок натянулся. Все это заняло не больше секунды.

Крейг почувствовал, как шнурок врезался в кожу. Алан с грохотом рухнул на пол. Киган наступил ногой ему на плечо, затягивая петлю.

Когда Силк, отвернув глушитель и опустив его в карман,

засовывал револьвер в кобуру, Крейг был уже мертв.

Киган поднялся с пола. Силк взял фотографии из конверта. Он выбрал один снимок и положил его на журнальный столик. Остальные он сунул в карман пальто. Киган тем временем удалился в ванную. Потом он вернулся.

– Там на двери есть достаточно прочный крюк, – сказал Киган.

Они подхватили безжизненное тело Крейга и отнесли его в ванную, где с помощью шнурка подвесили тело на крюк. Начищенные туфли Крейга едва касались кафельного пола.

Посмотрев с минуту на тело, Силк удовлетворенно кивнул.

– Чисто сработали, – сказал он. – Идем.

Киган открыл входную дверь, выглянул в коридор, прислушался и подал знак Силку.

Они спустились вниз на лифте.

Никто их не заметил. «Форд» растворился в автомобильном потоке; они поехали назад в «Хилтон».

Жан Роден, парижский агент Радница, невысокий лысеющий толстяк средних лет с постоянно блуждавшей на губах улыбкой, не затрагивавшей глаз, вел дела шефа толково и эффективно. Многие поручения Радница носили криминальный характер. Роден был осторожен. Он никогда не совершал ошибок. Радниц щедро платил Родену, считая его одним из лучших своих людей.

В день смерти Крейга Жан получил из Вашингтона телеграмму следующего содержания:

РОДЕНУ. ОТЕЛЬ «МОРИС». ПАРИЖ, 6. СМИТ.
ЗАВЕРШИТЕ ОПЕРАЦИЮ. ЛИНДСИ.

Роден закурил сигарету «Голуаз», надел пальто и шляпу, спустился к своей «симке». По забитым машинами улицам он добрался до набережной Великих Августинцев, где с трудом отыскивал место для парковки. Затем Жан прошел по улице Сегье, свернул в грязный дворик и поднялся по лестнице на шестой этаж давно не ремонтировавшегося дома, часто останавливаясь, чтобы отдышаться.

Роден любил хорошо поесть и выкуривал в день сорок сигарет. Любая физическая нагрузка причиняла ему страдания, он ненавидел лестницы. Добравшись до шестого этажа, Роден постучал в дверь.

Джерри Смит открыл дверь с недовольным видом, но, узнав Родена, парень посветлел. На нем был тонкий свитер и джинсы в обтяжку.

– Здравствуйте, мистер Роден, не ждал вас. Новая работа?

Роден смотрел на него с брезгливостью. Иногда приходится использовать подонков, говорил себе Жан, но общение с подобными типами вызывало у него чувство омерзения.

– Похоже, кое-что подвалило.

Роден говорил по-английски с сильным французским акцентом. Он прошел в тесную грязную комнату.

– Я сработал неплохо, а? – с усмешкой сказал Джерри. –

Могли и больше отстегнуть. А, мистер Роден?

Роден посмотрел на Смита. Вечно они требуют прибавки, а держать язык за зубами не умеют.

– Да, наверно.

Роден сунул руку под пальто. Палец лег на спусковой крючок револьвера 25-го калибра. Жан знал, что Джерри Смит живет один на шестом этаже, а старуха с пятого этажа совсем глухая. На набережной грохотал транспорт. Можно стрелять.

Джерри сделал шаг вперед, в глазах его горела алчность; Роден вытащил револьвер и всадил пулю в сердце Смита. Хлопок потонул в уличном шуме.

Роден вернулся в прихожую, засовывая револьвер в кобуру. Закрыв за собой дверь, не спеша спустился по лестнице, сел в машину.

В гостинице он отбил телеграмму:

ЛИНДСИ. ОТЕЛЬ «ХИЛТОН». ВАШИНГТОН.
ОПЕРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА. РОДЕН.

Радниц велел Линдси не оставлять следов.

Линдси добросовестно выполнял задания шефа. Что такое две человеческие жизни, когда речь идет о четырех миллионах долларов?

«Бельведер» считается самым дорогим и фешенебельным флоридским отелем. Расположенный на берегу залива, омывающего Парадиз-Сити, он является излюбленным местом

отдыха техасских нефтяных магнатов, кинозвезд и прочих богачей с годовым доходом свыше пятисот тысяч долларов.

Радниц из года в год арендовал здесь пентхаус – роскошные апартаменты, расположенные на крыше гостиницы. Отделенный пятнадцатью этажами от песчаного пляжа, люкс состоял из трех спален с отдельными ванными, роскошной кухни, двух гостиных, комнаты для личного секретаря и просторной веранды с бассейном, тентами от солнца, баром, шезлонгами и тропическими цветами.

Радниц всегда укрывался здесь, чтобы обдумать серьезную операцию, – в пентхаусе голова работала лучше, чем под палящими лучами флоридского солнца.

Радниц, одетый в белую махровую рубашку и голубые брюки из хлопка, сидел на веранде с сигарой во рту и бокалом в руке; Линдси, ступая по красно-белому кафелю, подошел к шефу, подвинул кресло и опустился в него.

Хозяин апартаментов приподнял смеженные веки:

– Вы получили ее?

Линдси протянул пухлый конверт.

– Свидетели убраны? – спросил Радниц, вытаскивая из конверта несколько больших отпечатков формулы.

– Убраны, – тихо ответил Линдси.

Радниц, хорошо знавший Линдси, не стал тратить время на выяснение подробностей. Он посмотрел на формулу, потом спрятал снимки в конверт и положил его на стол.

– Трудно представить, что эта формула стоит четыре мил-

лиона долларов, – задумчиво произнес он. – Но в действительности ей нет цены.

Линдси слушал молча. Он раскрывал рот в присутствии Радница, только отвечая на вопросы шефа. Линдси испытывал глубокое уважение к этому коренастому, приземистому человеку, он считал Радница одним из самых блестящих финансистов мира, создавшим свою империю из ничего с помощью собственной головы, бульдожьей хватки и врожденного чутья, которое безошибочно вело его к большим деньгам.

– Мне сообщили, Алан Крейг совершил самоубийство, – сказал Радниц, разглядывая из-под опущенных век стайку девушек в бикини, резвящихся внизу на пляже. – Печально...

– Да, – произнес Линдси. – Полиция обнаружила в его квартире компрометирующие фотографии. Дело решили не предавать огласке. Об этом позаботился Уоррен.

– Хорошо. – Радниц пригубил напиток. – Можно начинать операцию. Вас ждет большая работа. Позвольте ввести вас в курс дела. Я хочу, чтобы вы ясно представляли суть вашего задания. Я изложил мои соображения на бумаге. Они могут вам пригодиться. Но на каждом этапе вы принимаете решения самостоятельно. Я вылетаю в Прагу, где, возможно, мне удастся заключить выгодный контракт. Затем – Гонконг. Там, как всегда, проблемы с пресной водой. Предстоит решить кое-какие вопросы строительства резервуара на Новой Территории. Я подписал договор о проведении работ, но ре-

зервуар надо заполнить. Из Гонконга лечу в Пекин. Надеюсь уговорить китайское правительство взять на себя доставку воды. Вернусь через десять недель.

Радниц уставился на Линдси своими холодными глазами цвета стали.

– Я рассчитываю на то, что к моему возвращению вам удастся расшифровать формулу.

Закинув ногу на ногу, Линдси рассматривал свои начищенные черные туфли. Его лицо ничего не выражало.

– Единственный человек, способный расшифровать формулу, – продолжил после паузы Радниц, – сам изобретатель. Его зовут Пол Форрестер. Он придумал не только формулу, но и способ шифровки. Несколько слов о самой формуле. Она содержит технологию изготовления совершенно нового металла. Насколько мне известно, он в десять раз легче стали и в три раза прочнее ее. Он также обладает антифрикционными свойствами. Этот металл способен снизить стоимость полета на Луну в два раза. Он является идеальным материалом для любых ракет и не имеет аналогов. Как вам известно, ученый, создавший его, Пол Форрестер, в настоящее время находится в частной психиатрической лечебнице «Гаррисон Вентворт», предназначенной для очень богатых пациентов. Американская администрация поместила его туда в надежде, что по выздоровлении он декодирует формулу. Форрестер содержится в больнице уже двадцать шесть месяцев. Он проводит дни, уставившись в пространство перед собой, ни

с кем не разговаривая... как настоящий зомби. Болезнь его не поддается лечению.

Снова отпив из хайбола, Радниц продолжил:

– Вы можете спросить, как этот человек оказался в психушке? Несомненно, он один из величайших ученых, живущих на земле. Я интересовался его происхождением. Похоже, у него отягощенная наследственность. Его отец совершил самоубийство. Мать сбежала с каким-то мужчиной, бросив ребенка. Форрестера вырастила тетка – высохшая старая дева, исполнявшая свой родственный долг, но не более того. В школе Форрестер учился блестяще, проявляя поразительные способности к математике. Будучи человеком замкнутым, он не заводил друзей. Не стану перечислять вам его успехи в Гарварде. В тридцать три года он был назначен главным конструктором Центра ракетостроения в Парадиз-Сити. Всю рутинную административную работу взял на себя его помощник. У Форрестера была собственная лаборатория. Никто не знал, чем он там занимается. Наиболее внимательные из окружавших его людей замечали проявления маниакально-депрессивного синдрома: раздражительность, бессонницу, подозрительность, беспокойство.

– Прежде чем занять этот пост, Форрестер женился на весьма неподходящей для него женщине. Подобное часто случается с гениями. Эта особа – не буду утомлять вас деталями – довела его до помешательства.

– У Форрестера была молодая помощница Нона Джейси.

Она для нас очень важна. Кроме нее, Форрестер не пускал в лабораторию никого. Ее обязанности были просты. Она поддерживала чистоту, отвечала за телефонные звонки, выпроваживала непрошенных посетителей, приносила Форрестеру ланч. Я еще к ней вернусь.

– Состояние Форрестера встревожило институтского врача. Он почувствовал, что ученый находится на грани нервного срыва, и сообщил об этом Уоррену, находившемуся в Вашингтоне. Уоррен слышал, что Форрестер работает над чем-то очень серьезным, но подробностей не знал. Прочитав заключение доктора, он не на шутку забеспокоился. Уоррен вызвал Форрестера к себе. На их встрече присутствовал один из ведущих психиатров страны. Форрестер отказался сообщить Уоррену, над чем он трудится. Вторая встреча была назначена на следующий день. Когда Форрестер покинул кабинет Уоррена и направился в отель, психиатр заявил, что ученый, без сомнения, находится на грани сумасшествия... все признаки налицо. Уоррен не успел принять решение. Форрестер собрал вещи и вернулся в Центр ракетостроения.

Радниц снова сделал паузу и отхлебнул коктейль из хайбола.

– Он застал жену в постели со своим помощником, едва ли не единственным человеком в Центре, с которым он общался, не считая Ноны Джейси. Форрестер убил его, жена чудом спаслась. Когда подоспела помощь, он ломился в дверь ванной, обезумев от ревности. Убийство, поведение жены Фор-

рестера, его помешательство скрыли от прессы, поставив на деле гриф «совершенно секретно». Уоррен отправил Форрестера в лечебницу «Гаррисон Вентворт». Там он содержится по сей день... тихий, подавленный... как зомби.

Линдси поменял местами скрещенные ноги.

– Почему вы полагаете, что Форрестер расшифрует формулу? – спросил он.

– Позже вы ознакомитесь с моими предложениями, – сказал Радниц. – Я консультировался с рядом психиатров. У нас есть шанс. Способ кодирования, очевидно, несложен, но без ключа формулу не расшифровать. По-видимому, Форрестер заменил одни слова и цифры на другие, взятые из какой-то книги. Все печатные издания, хранящиеся у него дома и в лаборатории, были проверены, но нигде не обнаружили пометки. Это неудивительно – у Форрестера фотографическая память... феноменальная. Он способен, точнее, был способен, взглянув на страницу с текстом, прочесть его в обратном порядке без единой ошибки. Похоже, ключ к коду хранится у него в голове.

Линдси подумал, что девушке, бежавшей по песку к воде, не идет бикини. Чересчур полные бедра портили ее неплохую в целом фигуру, и бежала она неуклюже.

– Эта девушка... Нона Джейси? – спросил он, переводя взгляд на Радница.

– Да. Она по-прежнему занимает какую-то незначительную должность в Центре. Это она сообщила Уоррену о чу-

до-металле. Форрестер относился к Ноне с симпатией. Она понятия не имела о том, что он болен. Ее допрашивали в ЦРУ в присутствии ведущих специалистов и Уоррена. Она рассказала об открытии Форрестера. Нона находилась в лаборатории, когда он совершил его, Форрестер поделился с ней своей радостью. Нону немного удивили его слова о том, что он хочет сохранить формулу в тайне. Опьяненный победой, он заявил, что Соединенные Штаты не достойны обладать плодами его ума. Эксперты решили, что на самом деле он не совершил значительного открытия, а его слова были всего лишь первыми проявлениями прогрессирующего помешательства, но девушка утверждает, что она видела сплав и присутствовала при испытаниях, которым подвергал его Форрестер... если верить ей, металл существует. Лабораторию тщательно обыскали, но Форрестер либо уничтожил образец, либо спрятал его. Все попытки расшифровать формулу, как вам известно, ни к чему не привели. Возникла патовая ситуация... Нона Джейси для нас ключевая фигура. Изучите мои предложения. – Он посмотрел на Линдси. – У вас есть вопросы?

– Масса, – ответил Линдси. – Но прежде чем задать их, я ознакомлюсь с вашими идеями.

– Да, обязательно, – сказал Радниц. – Бумаги найдете на письменном столе. Эта операция для меня исключительно важна. В случае серьезных осложнений свяжитесь со мной. Надеюсь на вас.

Радниц жестом отпустил Линдси, затем, устроившись поудобнее в кресле, принялся разглядывать ленту побережья и голубой океан, искрящийся на солнце.

Глава вторая

Когда маленькая стрелка настенных часов доползла до цифры пять, Нона Джейси торопливо прибрала свой стол, накинула чехол на пишущую машинку и встала.

Две другие машинистки понимающе переглянулись.

– Не попади в аварию, милая, – сказала толстушка. – Ни один мужчина того не стоит.

Нона усмехнулась.

– Этот стоит, – сказала она, направляясь в комнату для переодевания.

Намыливая руки, Нона радостно мурлыкала себе под нос. Она прошлась гребнем по волосам, попудрила носик, взглянула на себя в зеркало и, выбежав из здания, направилась на автостоянку.

Высокая, хорошо сложенная, с рыжеватыми волосами, глазами цвета морской волны и вздернутым носиком, двадцатипятилетняя Нона Джейси, не будучи красавицей, нравилась мужчинам. С тех пор как она перестала работать у Пола Форрестера, минуло уже два года. Нона стала забывать его, но иногда она думала о своем прежнем шефе. Ее секретарская работа была скучной, и она часто вспоминала, как стремительно пролетал день в лаборатории Форрестера. Но то время кануло в Лету. Нона была влюблена. Три месяца назад она познакомилась на коктейле с молодым человеком,

похожим на Грегори Пека; он оказался ведущим репортером «Парадиз-Сити геральд», самой популярной местной газеты. Звали его Алек Шерман. Стоило им один раз обменяться взглядами, как произошла таинственная биохимическая реакция, и они уже знали, что созданы друг для друга. Сегодня у Алека был день рождения, и Нона пригласила его на обед. Он впервые переступит порог ее двухкомнатной квартиры и отведает пищу, приготовленную Ноной. Она по праву гордилась своими кулинарными способностями. Нона ужасно спешила: ей предстояло вернуться в город, расположенный в десяти милях от Центра, купить продукты, приехать к себе, приготовить обед, переодеться и в семь тридцать встретить Алека.

Она скользнула за руль своего «остин-купера», завела мотор и подкатила к выезду со стоянки.

Узнав девушку, сторож поднял шлагбаум и отдал ей честь. Ее любили в Центре. Улыбнувшись, Нона помахала в ответ рукой и выехала на шоссе, ведущее в город.

Обогнав две машины, двигавшиеся не слишком быстро, она выбралась на скоростную полосу автострады, забитой в этот час транспортом, и нажала педаль газа до упора.

Нона не обратила внимания на черный «буревестник», который стоял на обочине, но его водитель заметил девушку.

– Это она, – произнес Киган, заводя мотор; большой автомобиль стремительно влился в поток, создав помеху одному из шоферов, разразившемуся громкой бранью. Уверенно

перестраиваясь из ряда в ряд, Киган быстро догнал «купер».

– Ну и чешет она, – произнес Силк, сдвигая шляпу на затылок. – Эти сопляки носятся как сумасшедшие.

– Ездит неплохо, – отозвался Киган. – Чувствуется опыт. Хотел бы я посмотреть, как она управилась бы с этой игрушкой.

Силк хмыкнул. Молодежь его раздражала.

Подъехав к городу, Нона резко сбросила скорость. Ей уже не раз приходилось выслушивать нотации полицейских, которым, видно, нравилось не спеша наставлять по вопросам дорожной безопасности девушку, сидящую в машине с негодующим видом. Только не хватало, чтобы сейчас остановили, подумала она и со скоростью тридцать миль в час поехала по главной улице. «Буревестник» двигался в нескольких ярдах позади Ноны.

Мигнув правым поворотником, она въехала на стоянку возле универсама, и направилась в магазин. Сегодня она приготовит жареные устрицы и тушеную баранину по-венгерски под сладким соусом с гарниром из картофеля, помидоров, тмина, лука и перца – это блюдо Нона считала своим коронным номером.

Когда Нона выбирала мясо, на нее налетел блондин с маленьким узким ртом и близко посаженными зелеными глазами. Она едва не упала.

– Извините, – произнес мужчина, коснувшись пальцами своей шляпы. – Я споткнулся.

Он скрылся в толпе.

Нона посмотрела на обслуживавшего ее продавца:

– Вы видели? Едва не сшиб меня!

Молодой мясник, тайный поклонник Ноны, усмехнулся:

– Вам ли жаловаться, мисс? Я всегда с трудом стою на ногах, когда вижу вас.

Нона рассмеялась:

– Мне, пожалуйста, этот кусок. И побыстрей... я спешу.

В дальнем конце зала Том Френдли, магазинный детектив, сидел на пустой упаковочной таре, давая отдых уставшим ногам. Он знал, что ему следует двигаться по универсаму, выискивая взглядом нечистых на руку посетителей, но шум, жара и прошедшие с начала смены четыре часа утомили его.

Он безмятежно спал, когда в его рыхлое плечо уткнулся чей-то жесткий палец. Том вскочил с виноватым видом и уставился на склонившегося к нему рослого мужчину со стеклянным глазом и шрамом на щеке.

– Вы здешний сыщик? – спросил высокий человек.

– Да... а что случилось? – сказал Френдли, пытаясь окончательно проснуться.

– Там одна крошка чистит прилавки, – заявил незнакомец. – Это, кажется, по вашей части. Она только что посетила ювелирный отдел. Похоже, профессионалка.

– Черт возьми! – воскликнул Френдли. – Где она?

– Сейчас – в мясной секции, – ответил высокий мужчи-

на. – Вы ее сразу узнаете. Рыжие волосы, белый плащ, голубое платье.

– Пойдемте со мной, покажете, – сказал Френдли. – Вы нужны мне как свидетель. Вы видели ее за работой.

Высокий мужчина улыбнулся:

– А что делали вы? Нет... это вы засекали ее. Очко в вашу пользу.

Повернувшись, он смешался с толпой.

Френдли зашагал к мясной секции настолько быстро, насколько ему позволяло его плоскостопие.

Нона купила все, что хотела. Расплатившись с кассиром, она миновала вертушку и с двумя большими бумажными пакетами в руках почти бегом направилась к машине.

Размещая пакеты на заднем сиденье, она почувствовала, что кто-то похлопывает ее по плечу. Удивленная, она обернулась.

Нона увидела перед собой красную физиономию Тома Френдли. Взгляд его был суровым. Он решил, что ее растерянность вызвана боязнью разоблачения.

– Пройдемте в магазин, мисс, – сказал он и взял Нону за плечо своей горячей потной рукой.

Нона, возмущившись, попыталась освободиться, но он только сильнее сжал пальцы.

– Пустите меня! – закричала она. – Немедленно!

– Я магазинный детектив, – сказал Френдли. – Вы пройдете со мной или вызвать полицейского?

Постовой Тим О'Брайен в очередной раз заглянул на стойку. Там был автомат с его любимой кока-колой. О'Брайен, грузный немолодой ирландец, неся патрульную службу, постоянно испытывал жажду. За смену он поглощал до пятнадцати стаканов жидкости. Сейчас он собирался выпить десятый. Увидев Френдли, который разговаривал с рыжеволосой девушкой, держа ее за плечо, он решил выяснить, что случилось. О'Брайен и Френдли были приятелями. Похоже, Том задержал еще одну воровку.

– Что здесь происходит? – спросил он, остановившись возле Ноны.

– Прикажете ему отпустить меня! – закричала Нона.

Рассерженную девушку начал охватывать страх.

– Обычная история, Тим, – пояснил Френдли. – Стащила кое-что с прилавка. Отведем ее в магазин.

– Пройдемте, девушка, – сказал О'Брайен. – Там все выясним.

– Я спешу... я не могу... я... – с трудом выдавила из себя Нона. – Вы не имеете права...

– Я сказал – пройдемте, – повысил голос О'Брайен.

Нона вспыхнула, глаза ее засверкали. Поколебавшись, она вернулась в сопровождении полицейского и Френдли в универсам. Нона ловила на себе любопытные взгляды. Она подаст в суд! Они еще пожалеют!

Администратор магазина, худой угрюмый человек со скучным лицом, равнодушно посмотрел на Нону.

– Украла товар из ювелирного отдела, – заявил Френдли.

Администратор удивленно посмотрел на Тома. Он был недоволен работой детектива и собирался его уволить.

– Вы лично видели? – с кислой миной спросил он Френдли.

После короткой заминки детектив кивнул:

– Да... лично.

– Это неправда! – возмутилась Нона. – Я и близко не подходила к ювелирному отделу!

– Вы не покажете нам содержимое ваших карманов, мисс? – сказал администратор.

– Они пусты... это абсурд.

Нона засунула руки в карманы своего плаща. Мурашки пробежали по ее спине. Пальцы девушки наткнулись на предметы, которые могли быть только браслетами и кольцами. Она ощупала их, чувствуя, что кровь отхлынула от ее лица.

– Это недоразумение... я их туда не клала... я...

Лицо администратора поскучнело еще сильнее.

– Посмотрим, что вы взяли, – сказал он. – Не делайте круглые глаза, со мной этот номер не пройдет.

Нона медленно извлекла из кармана пять дешевых браслетов, три перстня с поддельными бриллиантами и бусы из искусственного янтаря. Потрясенная, она положила украшения на стол администратора.

– Я не брала их! Кто-то подбросил их в мой карман! Кля-

нусь, я не брала их!

Администратор повернулся к полицейскому:

– Мы будем возбуждать дело. Эти изделия – вещественные доказательства. Вы оформите протокол?

– Не беспокойтесь, мистер Манавиц, – сказал О’Брайен.

Он сгреб украшения и сунул их в свой карман.

– Вам позвонят из отделения, – добавил постовой.

Он опустил тяжелую руку на плечо Ноны:

– Ну, крошка, пошли.

– Мне надо позвонить, – сказала Нона дрожащим голосом.

– Вот доставлю тебя в отделение, тогда звони сколько душе угодно, – отозвался О’Брайен. – Идем, и поживей.

Причина, по которой все операции Линдси увенчивались успехом, заключалась в тщательном сборе необходимой информации, предшествовавшем любым действиям. До предела дотошный, он подробно инструктировал своих подчиненных, что значительно упрощало их задачу.

Все нужные ему сведения он получал через сыскное агентство, штат которого составляли полицейские, уволенные со службы за коррупцию и злоупотребления, но имевшие хорошую подготовку и опытные.

За четыре дня до ареста Ноны Линдси поручил трем детективам агентства досконально изучить образ жизни девушки. Они установили за Ноной слежку и прослушивали ее телефонные разговоры. Линдси узнал о Шермане, о том,

что в день своего рождения в половине восьмого Алек будет у Ноны, которая всегда покупает продукты в одном и том же универсаме. Два агента составили досье на Алека Шермана; прочитав его, Линдси задумался.

– Этот Шерман способен доставить нам массу неприятностей, – сказал он Силку. – Газетчики – народ опасный. Он без ума от девчонки и может сорвать наши планы. Надо его нейтрализовать на пару недель.

Силк кивнул:

– У меня есть его фото. Шерман – моя забота.

Вечером в день рождения Шермана черный «буревестник» остановился в сорока ярдах от дома, где жила Нона, на противоположной стороне улицы. Силк и Киган подъехали в четверть восьмого. Они курили, отдыхая в машине.

В семь часов двадцать восемь минут серебристо-серый «понтиак» модели «ле-мэнс-спорт-купе» затормозил возле парадного.

Киган бросил сигарету и тихо произнес:

– Вот он.

Они увидели, как рослый, атлетически сложенный мужчина вышел из машины, хлопнул дверцей и взлетел по ступенькам вверх.

Алек Шерман чувствовал, что этому вечеру суждено стать вехой в его жизни. Распахнув дверь, он вошел в тускло освещенный подъезд, где пахло щами и мастикой для натирки полов. В кармане у него лежал кожаный футляр с кольцом,

обошедшимся Алеку в целое состояние. Шерман долго выбирал его и с помощью товарища приобрел то, что искал, – перстень с камнем, способным произвести впечатление на любую девушку.

Он поднялся по лестнице на третий этаж. Алека охватило чисто мужское любопытство – интересно, чем его сегодня накормят? Нона сказала ему, что умеет готовить, но Шерману уже приходилось слышать подобные утверждения. До того как он встретился с Ноной и влюбился в нее, у Алека было много знакомых девушек, произносивших похожие слова. Но каждый раз, оказавшись за столом, он жалел, что они не отправились в ресторан. Ноне он поверил. Но даже если она разочарует его в этом вопросе, все равно он не откажется от намерения жениться на ней. В Ноне была какая-то изюминка, волновавшая Алека, и он не мог теперь представить своей жизни без этой девушки.

Он постучал в дверь. Поправил галстук и пиджак. Удивленный, постучал еще раз. Дверь не открывалась. Тогда Алек заметил кнопку звонка и нажал ее. Услышал трель. Сделал шаг назад. Минуты через три позвонил снова. Понял, что в квартире никого нет.

Алек взглянул на часы. Они показывали без двадцати минут восемь. Может, она задержалась в Центре? Попала в аварию? Он спустился, перепрыгивая через ступеньки, на первый этаж. На табличке со стрелкой, указывавшей на дверь, было написано: «Миссис Этель Уотсон. Домовладелица».

Он неуверенно подошел к двери и нажал кнопку звонка. На пороге появилась сухонькая, похожая на птичку старуха с холодными, неприветливыми глазами и пучком жиденьких волос на затылке. На ней было черное бесформенное платье, изрядно поношенное; она кутала плечи в грязную белую шаль. Миссис Уотсон, без интереса посмотрев на Шермана, раздраженно спросила:

– Вам что надо, молодой человек?

– Я к мисс Джейси. Мы договорились на семь тридцать. Но ее почему-то нет.

– Ну а я тут при чем? – спросила миссис Уотсон. – Нет – значит нет.

– Вы не в курсе, может, она где-то задержалась?

Миссис Уотсон поджала губы:

– Никто мне не докладывает.

Шерман понял, что тратит время попусту. Надо позвонить в Центр. Вполне вероятно, что на Нону свалилась срочная работа.

– Спасибо... извините за беспокойство.

Алек пересек холл, открыл дверь и сбежал по ступенькам. Он сел за руль «понтака». Когда он собрался нажать кнопку стартера, Киган, притаившийся за спинкой переднего сиденья, ударил его чуть выше правого уха тряпичной дубинкой, набитой песком.

Шерман потерял сознание и завалился вперед. Киган знал, какую силу надо приложить, чтобы жертва отрубилась

на некоторое время, а какую – чтобы навсегда. Он спихнул обмякшее тело Шермана на пол справа от водительского места, затем сел за руль и поехал.

Силк на «буревестнике» следовал за «пontiаком», который не спеша двигался в сторону главной улицы. Киган свернул направо, Силк сделал то же самое. Обе машины остановились на узкой улочке напротив строительной площадки, заросшей травой. Силк посмотрел назад, потом вперед – улица была пуста. Он помог Кигану вытащить тело Шермана из «пontiака». Они отволокли его в заросли сорняка.

– Смотри... не переусердствуй, – предупредил Кигана Силк. – Пусть отдохнет пару недель в больнице...

– Я помню, – отозвался Киган.

Когда Силк отошел к «буревестнику», его напарник ударил Шермана ногой в лицо.

Силк сел в машину. Он посмотрел на часы: было без нескольких минут восемь. Силк надвинул шляпу на нос и прикрыл глаз.

Спустя несколько минут вернулся Киган. Он шел по траве, вытирая об нее туфли. Киган сел за руль.

– Порядок, – сказал он, заводя двигатель. – Ближайшие две недели у нас не будет с ним хлопот. Куда теперь?

Силк знал, что Киган – мастер своего дела, и уважал его за профессионализм. Киган умел избить человека так, что жертва, побывав на волоске от смерти, все же не умирала, но становилась менее опасной, чем муравей.

– Куда теперь? – повторил Силк, сдвигая шляпу на затылок. – В городской суд. Оставишь меня там. Нам двоим в суде делать нечего. Слушание назначено на девять. Вернусь на такси.

– Как прикажешь, – отозвался Киган.

«Буревестник» набрал скорость.

В десять часов Силк вошел в гостиницу «Бельведер» и на лифте поднялся в люкс Радница. На веранде он увидел Линдси, который разглядывал яркие огни рекламы и молодежь, купающуюся в теплом, залитом лунным светом океане.

Услышав шаги Силка, Линдси обернулся:

– Ну?

– Задание выполнено, – сказал Силк. – Все прошло гладко. Девчонка неделю проведет за решеткой и заплатит двадцать пять долларов штрафа. Судья оказался старым толстым гомиком и вдобавок женоненавистником. Он вынес ей приговор без проволочки.

– А как Шерман?

– Понятия не имеет, кто его и избил. Сейчас Шерман лежит в больнице с переломами челюсти и четырех ребер, а также сильным сотрясением мозга. Он поправится, но не скоро.

Линдси нахмурился. Его душа не принимала насилия, но служба у Радница приучила Джонатана мириться с этим злом.

– Вы хорошо поработали.

Линдси снова взглянул на пляж, где резвились беззаботные юноши и девушки. Он испытал зависть. Как проста жизнь этих людей!

– Уточните, когда освободят Нону Джейси, и встретьте ее. Пусть кто-нибудь сходит к ней на квартиру, заберет ее вещи и рассчитается с домовладельцем... пошлите туда женщину.

– Хорошо, – сказал Силк и вопросительно посмотрел на Линдси. – Еще будут указания?

– Пока все.

Линдси вытащил из кармана брюк пачку пятидесятидолларовых банкнот и протянул ее Силку.

– Главную операцию начнем, когда девушка окажется в наших руках, – сказал он. – Подробности сообщу в конце недели.

Силк поглядел на пачку денег, удовлетворенно кивнул и покинул люкс.

Линдси подошел к ограждению веранды и уставился на молодежь, плещущуюся в океане. Несколько минут он стоял так, затем отправился в кабинет Радница. Сев за стол, принялся перечитывать наставления шефа. Подготавливая операцию, Линдси погружался в нее с головой. Такое сложное дело Линдси еще не поручали. Впервые за годы службы у Радница Линдси испытал сомнение в успехе.

Шейла Латимер была рабыней Кигана.

Прошлым летом она участвовала в конкурсе на звание

«Мисс Флорида» и победила бы в нем, если бы согласилась переспать с двумя или тремя членами жюри.

Чет Киган любил молоденьких, хорошо сложенных девушек. Свое свободное время он тратил на поиски подходящих объектов для совращения.

Любой конкурс красоты становился его охотничьими угодьями. Шейла Латимер, высокая голубоглазая блондинка с красивой фигурой и полными алыми губами, пришлась ему по вкусу. Киган не знал, что Шейла была девственницей, испытывающей страх перед сексом.

Он нашел ее в маленьком баре, где она пила кока-колу. Других посетителей у стойки не было. Не оказись ее соперница, завоевавшая почетный титул, бесстыжей развратницей, утешала себя девушка, победительницей стала бы она, Шейла.

Киган подсел к ней. Он умел разговаривать с женщинами, его манеры обманывали их. Внешность, обходительность, уверенное поведение Кигана привлекли внимание Шейлы. Когда Киган сообщил Шейле, что из всех участниц он сразу отдал предпочтение ей, она невольно прониклась к нему симпатией. Десять минут прошли в непринужденной беседе, но Киган, противник долгого ухаживания, не умел ждать. Скудная, утомительная процедура сближения, любовные уловки, денежные траты были ему не по душе. Либо девушка хочет, либо нет. Все очень просто.

Шейла была в белой рубашке и красных облегающих брю-

ках из хлопка. Когда она привсталала над стойкой, чтобы взять еще одну маслину, Киган сунул руку за пояс ее брюк и сжал пальцами ягодицу девушки.

На какой-то миг Шейла замерла. Когда рука постороннего нарушила неприкосновенность ее частных владений, кожа девушки покрылась мурашками. Затем Шейла размахнулась и заехала Кигану сумочкой по физиономии. Металлическая защелка угодила ему в нос. Он отскочил назад с окровавленным лицом. Шейла бросилась прочь из бара.

Бармен, на глазах которого произошла эта сцена, протянул Кигану полотенце.

– А ты смельчак, приятель, – восхищенно произнес бармен. – У меня бы на такое духа не хватило. Как она на ощупь?

Киган вытер полотенцем кровь, затем вернул его бармену. Положил на стойку три доллара.

– Спасибо, Джо. Женщина в любой момент готова преподнести сюрприз, верно?

Прижав платок к кровоточащему носу, он покинул бар.

Ударить Кигана было не менее опасно, чем стегнуть прутиком африканскую мамбу. Шейла Латимер понятия не имела, что она спровоцировала. Она была взбешена поступком Кигана; девушка умирала от стыда и чувства гадливости. Она прибежала в комнату, которую снимала, потом залезла в душ, отчаянно пытаясь освободиться от воспоминаний о грязных пальцах, осквернивших ее тело своими прикосновениями.

Шейла вышла из ванной. Внезапно ее охватило щемящее чувство одиночества. Не зная, что ее ждет, еще не придя в себя после оскорбительной выходки Кигана, она кинулась на кровать и зарыдала.

У Шейлы не было ни одного близкого человека. Она поссорилась с родителями – недалекими, ограниченными фермерами со Среднего Запада – и убежала от них в Майами, где устроилась в гостиницу на должность портъе. Устав воевать с одуревшими от алкоголя туристами и надеясь найти более интересную работу, она решила принять участие в конкурсе красоты. В Парадиз-Сити, где он проводился, Шейла никого не знала. Занявшую лишь второе место девушку быстро забыли. Толстый флегматичный агент, обеспечивавший ее участие в турнире, по его завершении тотчас потерял всякий интерес к Шейле, которая упустила свой шанс. Теперь ей предстояло вернуться в Майами на прежнее место, если его еще не заняли.

Она плохо спала в эту ночь. Часто просыпаясь, Шейла вновь и вновь ощущала прикосновение к своей коже чужих цепких пальцев. В восьмом часу, ворочаясь с бока на бок и решая вопрос, не пора ли встать и сварить чашку кофе, Шейла услышала звонок. Девушка села в кровати. Вдруг это телеграмма! Предложение от агента! Накинув халат, она подбежала к двери и открыла ее.

Чет Киган вошел в квартиру. Шейла и вскрикнуть не успела, как он свалил ее ударом в челюсть. Она рухнула к его но-

гам. Чет запер дверь и, протащив Шейлу через всю комнату, бросил ее на кровать.

Киган извлек из принесенного им кейса четыре куска веревки. Привязал запястья и щиколотки Шейлы к кровати. Затем вытащил из кейса шприц с иглой и пузырек, закупоренный резиновой пробкой.

За пять суток нескончаемого кошмара Шейла превратилась в сломленную, безвольную героиновую наркоманку. Поняв, что он добился желаемого результата, Киган покинул девушку, оставив ей свой номер телефона. Он не сомневался, что Шейла позвонит ему. Через два дня она уже рыдала в трубку, умоляя Кигана помочь ей. Он пришел к Шейле с нужной дозой, но, прежде чем сделать укол, овладел девушкой всеми мыслимыми способами. Теперь Шейле было наплевать на все, лишь бы получить наркотик, без которого она не могла жить.

Так она стала рабыней Кигана.

Через два дня после ареста Ноны Шейла остановила машину напротив дома миссис Уотсон. Она вышла из «опелькадета», который дал ей Киган, и по ступеням поднялась к входной двери.

Она чувствовала себя превосходно. Час назад Киган дал ей наркотик, и теперь Шейла была готова выполнить любое его задание.

Она позвонила и стала ждать. Спустя некоторое время дверь открылась. Миссис Уотсон настороженно посмотрела

на девушку.

– Что такое? – спросила она, кутаясь в грязную шаль.

– Меня зовут Шейла Мейсон. – (Киган заставил ее выучить этот монолог наизусть.) – Я двоюродная сестра Ноны Джейси. Вы, наверно, слышали, у Ноны неприятности. Она сюда больше не вернется. Я заплачу за квартиру и возьму ее вещи.

– Эта воровка! – Лицо миссис Уотсон помрачнело. – Подумать только! Прилавки чистила! Что ж, по заслугам ей! Вы не получите ее вещи, пока не рассчитаетесь со мной... она задолжала мне за месяц. Это сотня долларов!

«Заплатишь, сколько она потребует, – сказал Киган. – Она, конечно, тебя ограбит, но ты отдашь ей деньги».

Шейла раскрыла сумочку и вытащила оттуда банкноты, врученные ей Киганом. Она передала старухе две пятидесятидолларовые бумажки.

– Я могу получить ключ? Мне надо собрать вещи Ноны.

Изучив купюры, миссис Уотсон кивнула. Она с любопытством посмотрела на блондинку со светлой кожей.

– Я не знала, что у нее есть двоюродная сестра, – сказала миссис Уотсон. – Она мне никогда о вас не говорила.

– Я из Техаса, – сказала Шейла, как научил Киган. – После освобождения она уедет со мной.

Миссис Уотсон фыркнула.

– Сюда я ее и не пустила бы, – сказала она. – Забирайте вещи и освободите квартиру.

Старуха захлопнула дверь.

Шейла поднялась наверх. «Сегодня Чет, наверно, будет мною доволен», – подумала она. Когда Киган бывал по-настоящему доволен Шейлой, он не трогал ее ночью и давал бо́льшую, чем обычно, дозу.

Почти счастливая, Шейла отперла дверь и вошла в пустую квартиру Ноны.

Следующую фазу операции, решил Линдси, он осуществит сам. Ни Силк, ни Киган не сумеют договориться с доктором Алексом Кунцем.

Он трижды набрал номер Кунца. Наконец телефон оказался свободен. Линдси услышал суховатый женский голос.

– Я хочу попасть на прием к доктору Кунцу, – сказал Линдси. – Сегодня днем или завтра утром.

– Извините... доктор Кунц занят до конца следующей недели. Пятница, три часа, вас устроит?

Готовый к такому ответу, Линдси сказал:

– Простите, но мне требуется срочная помощь. Сегодня или в крайнем случае завтра утром.

– С кем я говорю? – осторожно спросила женщина.

– Это Джонатан Линдси. Не могли бы вы передать доктору Кунцу, что меня направил к нему мистер Герман Радниц? Он должен помнить его.

Помолчав, женщина произнесла:

– Пожалуйста, обождите.

Линдси взял леденец с вазочки, стоящей на его столе. Он не курил и не пил, но обожал леденцы. Спустя некоторое время женщина сказала:

– Доктор Кунц примет вас сегодня вечером в шесть часов.

Линдси улыбнулся:

– Спасибо... я приду.

Он опустил трубку.

В шесть часов две минуты Линдси вышел из своего «кадиллака» модели «флитвуд», запаркованного возле впечатляющего особняка доктора Кунца. Дом стоял на берегу океана, напротив майамского яхт-клуба. Линдси поднялся по мраморной лестнице, нажал кнопку звонка.

Дверь открыла бесцветная женщина средних лет, внимательно посмотревшая на Линдси и сухо улыбнувшаяся ему. Она провела его в просторную, со вкусом обставленную гостиную.

– Доктор Кунц просит вас подождать несколько минут, – сказала она, и Линдси узнал голос, звучащий в телефонной трубке.

Кивнув, он сел и взял в руки последний номер журнала «Лайф». Через четыре минуты дверь в комнату отворилась, и медсестра произнесла:

– Доктор Кунц ждет вас.

Линдси проследовал за женщиной по коридору. Они остановились возле обшитой дубом двери. Негромко постучав, женщина открыла дверь и шагнула в сторону.

Линдси вошел в кабинет. За столом сидел невысокий полный человек в белом двубортном халате с коротким рукавом. Справа от него стояла обтянутая кожей кушетка. Вдоль стен выстроились стеклянные шкафчики с хирургическими инструментами.

– Спасибо, что вы согласились принять меня сегодня, – сказал Линдси, приветливо улыбнувшись.

Он опустился в кресло напротив доктора Кунца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.